Евгений Гулидов

ДЕСАНТ

Евгений Гулидов

ДЕСАНТ

стихи

Мурманское
книжное издательство
1980

P_2
Г 94

Рецензенты: члены СП СССР В. Семенов,
В. Тимофеев, Д. Ушаков

Художник Образцова Л. И.

$Г \frac{70402-17}{М150(03)-80} 17-80$

ДЕСАНТ

Опасный трюк — спешить по аппарели,
Но люди в скоростях поднаторели,
Сержант дает добро на полный газ.
А на дворе — хорошая погода,
А на холме — все та же, наша рота,
Ее два взвода нынче против нас.

Расписанная в штабе как по нотам,
Атака пахнет порохом и пóтом,
И тишина вдруг падает ничком.
Взмывает ввысь сигнальная ракета,
И только миг живет виденье это,
Когда цветок алеет над штыком.

Нам разъяснят попозже офицеры:
«Все мог посредник, но не принял меры».

...А наверху — команда отходить.
Чуть непривычен горький привкус пыли,
Но это мы сегодня победили,
По плану — не должны бы победить.

А из-за леса, будто неживая,
Пылит проселком кухня полковая,
В ритм тыловской неспешной суете.
И вряд ли мы тогда осознавали,
Что в жизни, верно, в первый раз стояли
На первой, взятой с боем, высоте.

КАНДИДАТЫ В КУРСАНТЫ

Ах, этот август, желтый и прохладный!
Ох, этот мичман, маленький и злой!
Как звонок тон
Лихой трубы парадной!
На марш-броске
Так трудно дышит строй.

Как все же наши рапорты нечетки,
Как мы наивно выглядим в толпе...

Но как прекрасны
Эти две девчонки,
Которые нас ждут на КПП!

●

Куда летит снаряд?
Я этого не знаю.
Я уложился в темп,
Не сплоховал — и рад.

Я делал, как велят —
Считай, что хата с краю, —
Но мне хотелось знать,
Куда летит снаряд.

Мой первый старшина,
Он не спешил с ответом,
Отнюдь не расточал
Скупую власть свою.

Пробоину в щите
Считал он аргументом
Превыше всех других,
Приемлемых в бою.

Я задавал вопрос,
И точно помню это —
Гремит учебный бой,
В дыму далекий плёс.
И каждый новый бой,
И каждая победа
Давали мне ответ
На давний мой вопрос.

Мой первый старшина,
Значение имело
Отнюдь не то, чем я
Вам докучал стократ.
Мне надо было знать
Порученное дело...
Другой обязан знать,
Куда летит снаряд.

В ОКЕАНЕ

Капитан загрустил,
Сожалея
О решенье своем,
Но зато
Не напрасно матрос с водолея
Два сезона служил в «шапито».

Как над кругом арены когда-то,
Только опытом давним храним,
Он колеблется вместе с канатом,
И колеблется море под ним.

Ах, какие привычные вещи —
Балансиры, страховка, канат!
Но зловеще партер рукоплещет,
А галерка и ложи — молчат.

Эту «скорую помощь» живую
Торопили надежда с бедой.
Группу крови имел нулевую
Тот, который стоял над водой.

Заживала у боцмана рана.
Врач дежурный стоял у стола.
Так случилось:
На пол-океана
У двоих нулевая была.

КОМАНДИР БАШНИ

Не подведет четвертая,
Дай срок...
И, ободрен неведомой приметой,
Он натянул на брови козырек
И жадно затянулся сигаретой.

Потом тяжелый гул над морем плыл,
Над срезом башни сполохи витали...

Как будто лейтенант еще курил,
Исполненный в бронированной стали.

«СЕМЕЙНЫЙ» ДЕНЬ

Крейсер вставал с петухами,
Проще сказать — на заре.
Четверть часа громыхали
Цепи в железной ноздре.

Мы ото сна остывали,
Бритвами щеки скребли,
Яростно трос бинтовали,
Дружно причалы мели.

Крейсер сутулился, толом
В каждом першило стволе,
Новеньким, прочным швартовом
Крейсер тянулся к земле.

Он засыпал с петухами,
Проще — у ночи на дне,
Пах дорогими духами,
Вторить пытался струне.

В сторону точечки Марса
Явно ощеривал клюз,
Будто и впрямь улыбался
В туго натянутый ус.

Ночь обрывалася круто.
Марс в окуляре дрожал,
А на ладони шкафута
Плюшевый слоник лежал.

2. Зак. 3822

СТОРОЖЕВИК

Помощник был охочим до висюлек.
Теперь в салоне плюш и поролон.
А на стальной скуле — все тот же сурик,
И подле пирс — затоптан как перрон.

Вокруг бортов — январская дремота
Шуге глыбастой раздвигает зев,
Смутна, как состояние ремонта
Для корабля, зачтенного в резерв.

Железный чудик, маленький задира,
Смотрел на мир сквозь дырочку ствола
И отрывал беспечно командира
От всех щедрот семейного стола.

Как кораблю был тошен быт оседлый!
В огромной тени крейсерской трубы
Вполглаза спал полярной ночью светлой,
Держа швартов лишь кончиком губы.

О флотской койке грех сказать: «полати».
Грешил помощник, помню как сейчас,
Когда не мы на праздничном параде,
Как говорят, «показывали класс».

Когда дрожит светило в медной плашке,
Гремит оркестр над самой головой.

А здесь — в иллюминаторе — броняшки
И правит — график пробы паровой.

Легко друг друга нынче различаем
И по салону вовсе не снуем.
И вестовой нас угощает чаем.
Молчим. О чем-то думаем. И пьем.

Сидим, жуем, зачем-то хвалим кока,
Де отличился он в последний раз.
Темним, темним...
В четыре мудрых ока
Сторожевик в упор глядит на нас.

СТАРПОМ

Старпом колясочку качает.
Жена посуду мыть кончает.
Остановило время бег,
По крайней мере для старпома,
Он две недели не был дома,
Старпом — он тоже человек.

Старпом с женой в постель ложится,
И тихо комната кружится
За поворотом — поворот
Сквозь мрак то розовый, то синий,
И не пришел еще посыльный,
Но обязательно придет.

ПОЛНОЛУНИЕ

Луны — хоть улицы пруди.
И впору пожалеть об этом —
Поток серебряной воды
Стекает в море по кюветам.
Неуловимы и легки,
Едва мелькая в рыжей пене,
Как будто наперегонки —
Скользят поверх обрывки теней.
И через площадь
Налегке
Бежит девчонка,
Понарошке
Держа в протянутой руке
Совсем сухие босоножки.

КОНЦЕРТ

Постепенно замолкают кресла.
В зале воцаряется покой.
В прошлом пианистка из оркестра
Клавиши касается рукой.

Внемлет гарнизон Фроловой Фроське.
Звездный час — и вся тут недолга.
Только оторвалась от авоськи,
От горячих вахт у утюга,
От пеленок, от ночей полярных,
От подруг нетрезвых, от разлук,
От носков дырявых, от нескладных
Чьих-то писем за Полярный круг.

Ну, Фролова, ну, лихая баба!..
Вот кого бы надо в женсовет.
Хорошо, что и начальник штаба
На концерт купил себе билет.

Дал же бог талант...
Чего же ради?
Ночь полгода. Неуютный дом.
Впрочем, есть квартира
В Ленинграде...
Не о том.
О боже, не о том...

УЛИЦА

...Эта улица
Камни собрала в кулак,
Эта улица
День раскалила до звона.
Отвечает стальной восклицательный знак
На вопросы
Нечастых гостей гарнизона.

Немота
Обелиск проставляет в конце
Вверх по сопке
Продлившего улицу трапа —
Как редакторский вычерк
В газетном столбце,
Точно литерный знак
На пакете Генштаба.

Любопытные взоры
Откроют пальбу,
Но неслышно падут у подножья осколки.
Обелиск начеку,
Охраняет судьбу
Своего появления в энском поселке.

Эта улица помнит
И радость и скорбь.
И становится морем
За кромкою мола
Тишина. И глядит командир в перископ,
Навсегда развернув его в сторону моря.

●

Ладен накатанный быт,
Двадцать тебе или сорок,
Длится и время стремит,
Словно шоссе иль проселок.

Ясно в нем все наперед,
Так что и финиш на старте
Виден. Любой поворот
Вроде очерчен на карте.

Но наступает пора,
Та, где становится прошлым
Все, что казалось вчера
Вечным, незыблемым, прочным.

Сетуй. Витийствуй. Пророчь.
Не различая итога.
В окнах — полярная ночь,
Вздыблена ветром дорога.

В странной живи полосе
И не гадай на пороге:
Было ли «Слушайте все!»
Перед сигналом тревоги.

В ВАГОНЕ

Январь.
В купе и сумрачно, и зябко.
Некрепкий чай, батон — и стол накрыт.
Рассказ вчерашний продолжает бабка,
С попутчиком о жизни говорит.

Мои воспоминанья — легче пуха.
А в напряженной памяти иной
Живет война, а рядом с ней — разруха
И, словом, все, что пройдено страной.

...А старший сын живет теперь в столице.
А дочь при стариках, в своем селе...

И мягкий свет в окно купе струится,
И зимний день спешит в его стекле.

Щедра душа у русского народа.
Не потому ль он к ближнему не глух,
Что в нем живет и здравствует порода
Непокоренных временем старух?

С исчерченными жилами руками,
С морщинами крутыми на челе,
С кошелками, бидонами, мешками
Они еще кочуют по земле.

3. Зак. 3822

Они
Нам улыбаются знакомо,
Они толкуют с нами не спеша.
Там, где они, там внятен запах дома,
Там, где они — распахнута душа.

Откуда сердцу перепала сила
Обнять весь мир,
С ним быть накоротке?

А на меня
Глядит сама Россия,
И васильки синеют на платке.

ТУРГАЙ

На окраине Тургая
Звонкий голос молотка
Прячет в чреве мастерская,
Где корпит Мухтар-ака.

Мастер знает все о камне,
Камень режет и гранит,
Он сегодня не руками,
Сердцем чувствует гранит.

Нелегка работа эта,
Поименно сочтены
На бумажке сельсовета
Не пришедшие с войны.

Эй, заказчик,
С платой — прочь-ка!
Умножать не будет он...
36 копеек строчка,
96 имен.

За крутой обрыв удара
Шаг — и пропасть тишины...
Что-то вроде ожиданья,
Где ответить не должны.

Возвращается порожним
Звук, который побыл «там»,

По невидимым, но прочным,
Бесконечным проводам.

От глухого полустанка
Вспять спешит через года
Эта страшная морзянка
Из «отсюда» в «никуда».

А поодаль, на опушке,
Мяч гоняют пацаны.
В сотне метров от избушки,
В сотне метров от войны.

●

Живому — жить.
Неписаный закон
Живое нужной наделяет ношей.
Родится лев — и с когтем, и с клыком,
Родится уж — с прохладной, скользкой кожей.

Сочится яд.
Рога вздымает бег.
Тревожный крик крылом сминает стая...

Родится с хрупким сердцем
Человек,
И щит, и меч
При этом обретая.

●

«Задумчивый голос Монтана»
Звучит в позабытом году,
И острая кромка металла
Зигзаги выводит на льду.

О чем эта песня — не знаю.
Лихую девчонку одну
В который уж раз догоняю,
Уверовав, что догоню.

Срезаю легко повороты,
Но, кажется, дело — труба.
И точно, на долгие годы
Погоню продолжит судьба.

И даже потом, через годы,
На тропах семейной страды
Дитя непонятной свободы
Не сможет не быть впереди.

Как будто по правилам гонки,
Не то чтобы шею сломя,
Но все же немного в сторонке,
Чуть-чуть вдалеке от меня.

Не спросишь, на что намекает,
Какой начала поворот.
Но так же косынка мелькает.
И так же пластинка поет.

ДОМ

Там, где темноты крутые глыбы
Расплескаться свету не велят,
Каждый вечер две большие рыбы
Желтыми хвостами шевелят.

Я брожу напротив спозаранку
И горю на медленном огне —
Старый дом
Их ловит на приманку
Силуэта твоего в окне.

Радоваться старческим забавам
С неких пор я больше не могу,
Потому что ты стоишь на правом,
Я стою — на левом берегу.

Что-то пилит в сумраке ограда,
Берег мой от теней полосат.
Перекинут хрупкий мостик взгляда
Через освещенный палисад.

Есть резон подсечку делать резко.
Не понять — где суша, где вода.
Словно перегруженная леска,
Сквозь листву проступят провода.

Чем вознаградил свое старанье
Тот подслеповатый рыбачок?

На еще не ясном расстоянье
Разминулись сердце и крючок.

Берега реки давно пологи,
Ей не надо моста и весла.
Чем же расплатиться за уроки
Очень непростого ремесла?

Обитаю. Радуюсь и маюсь,
Обретаю разные черты.
А по сути — тем и занимаюсь,
Что дороги строю и мосты.

Дальний свет
Опять проносит мимо
В строгой рамке
Старое окно.

Нет, не все покамест достижимо,
И не все мостами сведено.

Упаси же, время, от напасти —
Позабыть, как за стеною лет
Старый дом раскладывает снасти
И с улыбкой смотрит людям вслед!

ЮРТА

В какую-то минуту
Поляна под горой
Родством венчает юрту
С обычной пиалой.

Знать, гость себя заправил
И мясом, и вином,
Коль пиалу поставил
Как юрту — кверху дном.

Обычай этот честный,
Совсем простой на вид,
Аскет преемлет местный
И местный сибарит.

Здесь ужин может длиться
До крика петуха,
Но в нем не повторится
Демьянова уха.

Здесь нож бывал неловок,
На всех кусок деля,
Но не было уловок
Лисы и журавля.

С доверием к уюту
И щедрости людской
Долина гладит юрту
Зеленою рукой.

ЛЕКЦИЯ

Движок колхозный чуть держал накал.
Ползучий гад дремал с конспектом рядом.
Заезжий лектор массы упрекал
В преступной нелюбви к ползучим гадам.

Пророчествуя нравственный развал,
Докладчик эволюции коснулся.
Он братом гада спящего назвал.
Зал зашумел. Ползучий гад проснулся.

Имел он тьму примеров про запас —
Ученый гость. Смешав и быль, и небыль.
Но в это время в клубе свет погас,
И ни один пример приведен не был.

Народ успел достичь сеней едва,
Ученый гость — чесал вдоль палисадов.

Наука, без сомнения, права.
Ну, а куда девать повадки гадов?

●

Желтый круг — домашний ток.
На току — колосьев россыпь.
Запрягает дед в каток
Застоявшуюся лошадь.

В отдаленье от избы
К стогу стог — итоги лета.
Дед вздыхает: вот кабы
Снова все увидеть это.

Первый круг — прикидка,
Крут
След от каменных полозьев.
Под катком вершится труд —
Зерна брызжут из колосьев.

Будет август колдовать
В веселинках под бровями,
Будет бабку задевать
Дед веселыми словами.

Пару зерен разжует,
С мыслью той входя в работу,
Что, конечно, доживет
До другого обмолота.

●

Избави бог
От сладкого недуга
Не знать ошибок,
Не вкушать тщеты.
Отнюдь не беспредельны
Силы духа,
И многозначен образ правоты.

И все ж трамваи, очереди, зданья,
А в них равно работа или быт —
Полны самодовольного всезнанья,
И дух ликует
Там, где ум скорбит.

Не истина ль
Сидит, витиевата,
Под куполочком
Детского грибка?
Ортодоксальна
Речь акселерата,
Хотя ущербна
В смысле языка.

Избави бог
Всегда гнушаться лишним
Иль помнить боль
В закушенной губе...

Но нам бы —
Чуть уверенности в ближнем,
Но нам бы —
Чуть сомнения в себе.

СЦЕНКА

Если б надо — яблоко упало,
Не июнь, не двинул в путь народ...
Шумно. В зале аэровокзала
Мужичонка пьяненький идет.

Снаряженный «маленькой» портвейна
И кривым обломком колбасы,
Созерцает нас благоговейно
И садится прямо на весы...

Пьяный пил и яростно питался,
Оставляя крошки на усах,
Но при этом все еще пытался
Взгляд сосредоточить на часах.

Чуть поздней мужик плясал вприсядку,
А в антракте буйствовал слегка,
А потом все вышли на посадку,
И увел дружинник мужика.

К трапу шли. Знакомились. Взлетали.
Кто дремал, кто в шахматы играл.
Вот и все. И никакой морали,
Ни малейшей, черт бы нас побрал.

●

От тротуара людного в сторонке,
От посторонних взглядов вдалеке
Дает уроки девочка болонке,
Да так, что ветер свищет в поводке.

Есть в этом что-то от дурного знака,
Но побеждает мнение в миру:
Ребенку, дескать, надобна собака —
Затем, чтоб научить его добру.

Гремят колокола, закрыты святцы,
И лишь одно доказано пока —
Душа должна в ней прежде состояться,
Чем мы подарим девочке щенка.

Подвергнем чувство кровное проверке,
Да будет тем повержен тайный враг!

Но человечье зреет в человеке
Едва ли при содействии собак.

ДЖИГИТ

«К закону гор
Закон морей
Привел не случай.
Я — объясняю. Ты — налей,
Налей и слушай.

Когда в груди у ледника
Душа проснется,
Об этом знает лишь река,
Она смеется.

Когда у женщины лицо
Вдруг отцветает,
Одна лишь осень
Знает все,
Она рыдает.

Когда заряжено ружье
И нет удачи...

Не возражай,
Налей еще
И слушай дальше.

Гора — воде
Всегда кунак.
Сейчас мы выйдем,

Но прежде —
Выпьем просто так,
За то, что видим».

А видеть мог
Усталый глаз,
Поскольку стоек,
В одном ряду
Большой Кавказ
И ближний столик.

И потому
Мой новый друг,
Диспетчер сменный,
Напоминал
Горящий круг,
Что над ареной.

Поверх кольца
Огонь сверкал,
И многократно
Какой-то добрый лев скакал —
Туда-обратно.

Но не в расчете
На аншлаг,
Сверх ожиданья,
А просто так,
Как будто в знак
Неувяданья.

. . . .

Сейчас листком
Фонарный луч
Лизнула флора.
Не обожглась.

Язык скрипуч
Фуникулера.

Мосток. Проулок. Темнота.
Мычанье мула.
И снова рядом —
Слог Шота
И слог Расула.

«Тебе известен
Нрав Куры?
Трясется берег.
Однако
Нрав моей сестры —
Кура и Терек.

Когда бы рекам
Стать людьми,
То я б зарекся...
Налей, пожа...
А, черт возьми,
Совсем увлекся.

Такой проклятый домострой,
Клянусь папахой.
Ты все улаживай с сестрой,
А я — с собакой».

Канавы. Рытвины.
Слепа
Обитель лая.
(Да не коснется век стопа
Стремян трамвая!)
Калитка. Двор. Собачий бред.
И еле-еле
Добром улаженный сюжет
Из Руставели.

Кофейный привкус миндаля.
Крыльцо. Окошко.
«Не телеграмма.
Это я,
Открой немножко.

Вах-вах! Зачем?
Я — не глухой.
Гость — не прохожий.
Кто? Он плохой?
Да. Я — плохой,
А он — хороший».

Пространный скрип.
Короткий стон.
Мерцанье Веги.

Спина — к спине,
Здоровый сон
На дне телеги.

БРИГАДА

Лоскутик кумачового пожара
Вверх по древку взметнулся высоко,
Как будто вся тайга его держала,
Нетесаное, прочное древко.

И, нарушая старые порядки,
Сам бригадир решился под замком
Держать плакат, который снял с палатки:
«У нас в тайге один — сухой закон!»

А технорук доказывал — не выйдет.
И тыкал пальцем в мерзлые стволы.
Теперь он спит,
Простреленный навылет
Бесстрастной трескотней бензопилы.

Спиртовый дух — отнюдь не беспорочен.
Ребята спят. Дрожит в ветвях рассвет.
О подвиге, о мужестве и прочем
Они узнают позже,
Из газет.

●

На дальних подступах к реке
В страду дорожного безводья
Конь неспокоен,

И в руке
Дрожат у всадника поводья.

В июльской тишине степной
Изнемогает тень под вязом,
И бьет копытом вороной,
Косит по ветру желтым глазом.

Так и давай начнем с того,
Что нет корысти между теми,
Кому диктует естество
Позыв к большой и важной теме.

Сумей же, сдерживая пыл,
Зря не натягивать уздечки
Лишь потому, что кто-то пил
Уже не раз из этой речки.

●

Я не давал обет —
Прочны застолья сети,
Но с истеченьем лет
Смещаются акценты.
Я в гости бы пошел.
Но тем уже научен,
Что живописен стол,
Да собеседник скучен.

●

В тот год от яблок горбились сады,
Под яблоней в саду — большие тени,
А сверху вниз всё падали плоды
По правилам земного тяготенья...

Великое не чуждо простоты.
Но как нетрудно клюнуть на мыслишку:
Здесь Ньютон мчится с криком сквозь кусты,
Там Архимед мочалкой трет подмышку.

Великое унизить не хотим,
Но шьет молва догадку к факту лыком.

Великое не может быть простым,
А вот простое — может стать великим.

ПЕСНЯ

Не понимаю этого —
Хоть тресни.
Каких таких вкусив новейших форм,
Рыдаешь ты,
Лирическая песня,
С эстрады всесоюзной
В микрофон?

Казалось мне,
Что вечно будет длиться
Та, ныне архаичная, пора,
Когда ты в светлом платьице из ситца
Бродила у околиц до утра.

С людьми делить умела все заботы,
И в этом был тогда немалый прок,
Когда ты шла на стройку в час работы,
Брала умело в руки мастерок.

Я не был там,
В заброшенном местечке,
Где, всем военным вьюгам вопреки,
Плясал огонь
В простой железной печке
И замполит писал жене стихи.

Но те, кто был,
Они-то разглядели

Сквозь дикий вой
Железа и свинца
Тебя
В солдатской выцветшей шинели
У изголовья спящего бойца.

И в час, когда
Ночами ноют раны,
Не спит за стенкой
Давний мой сосед,
Я знаю, что
В проем оконной рамы
Вставляет снова
Память твой портрет.

А что теперь...
Твое страданье — мнимо.
Папье-маше — шипы в твоем венце.
В невнятном освещении интима
Не видно лишь морщинок на лице.

На русский лад
Зазубриваешь четко
Одну из зарубежных мелодрам:
В столице — деревенская девчонка.
Порок. Любовь и пошлость пополам.

Уже внушает ужас, а не жалость,
Уже не недомыслие, а ложь.
Да канет миг,
Когда мне показалось,
Что ты с чужого голоса поешь —
На радость неразборчивой артели,
Готовой раструбить на все миры,
Что, наконец-то, лебеди взлетели
С клеенок тех, что пишут маляры!

Когда и где, в которой из традиций
Скрыт некий долг,
Иль будет только впредь,
Чтоб от гармошки
Над рекой родиться
И в горле саксофона умереть?

. . . .

А песня в зал взирает отрешенно.
У песни нынче нездоровый вид.
Она выходит замуж за пижона
И род свой
Обывателем продлит.

ДИАЛОГ С ЧАСОВЩИКОМ

Что за удел —
Рассматривать часы?

Вонзать отвертку
В малый промежуток
И совмещать
Перемещенье суток
С непрочным пульсом
Медной полосы.

Как можно
Переполнить смыслом жизнь?

Преувеличить
В окуляре линзы
Едва-едва
Заметные капризы
Колесиков невзрачных
И пружин.

Тропе мечту доверить иль крылу?

Вонзить в окно
Лысеющее темя
И полагать,

Что исправляешь время,
В фанерной будке сидя
На углу.

Что за удел —
Рассматривать часы?!

•

До груды огней,
Что видите вы на причале,
Дорога длинней,
Чем кажется это вначале.

Обычный пример.
Он тем лишь одним и помечен,
Что наш глазомер
Отнюдь не всегда безупречен.

И все же
Всегда
Да будет с тобою отрада:
Смотреть — сквозь года,
Влюбляться —
Так с первого взгляда!

●

Пора пришла,
И надо жить иначе,
Как жили до меня
У нас в роду.
В ладу с удачей
Или неудачей,
Но только обязательно в ладу.

Пока еще легко
Себя заставить.
Пока еще —
Имею, что спасать.
Вот-вот начну
Зачеркивать и править,
Вот-вот сумею набело писать.

Сумею жить
Отчаянней и слаще.
Открою вновь,
Что истины горьки.
Вот-вот начну
Заглядывать почаще
В недавние свои
Черновики.

СОДЕРЖАНИЕ

Гулидов Е. И.

Г 94 Десант. Стихи. — Мурманск: Кн. изд-во, 1980. — 48 с.
ИСБН

Новая книга стихов североморского поэта.

Г $\frac{70402\text{-}17}{М150(03)\text{-}80}$ 17-80 $Р_2$

Евгений Иванович Гулидов

ДЕСАНТ

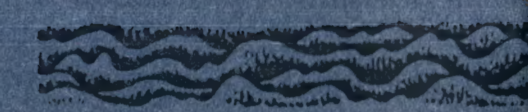
Стихи

Редактор А. Б. Тимофеев
Художественный редактор В. С. Жарков
Технический редактор Т. В. Кабанова
Корректор Р. А. Варушина

ИБ № 241

Сдано в набор 18.04.80. Подписано в печать 30.05.80. ПН-04611. Формат 70x108/32. Бумага мелованная. Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,1. Уч.-изд. л. 1,27. Тираж 5000 экз. Заказ 3822. Цена 20 коп. Мурманское книжное издательство, г. Мурманск, пр. Ленина, 100. Мурманская областная типография, г. Мурманск, ул. К. Маркса, 18

20 коп.

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО